

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года¹⁾.

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Пассекъ получилъ приказаніе сначала обойти Мичикальское ущелье, затѣмъ захватить непріятельскія орудія и, наконецъ, занять такую позицію, съ которой онъ прикрывалъ бы движеніе главныхъ силъ отряда вплоть до того пункта, гдѣ уже могло бы состояться соединеніе его съ главными силами. Занятіемъ Анчимеера Мичикальская позиція была обойдена, что и заставило непріятели немедленно же ее покинуть, что же касается до орудій, то не таковы были мѣстные условія Кавказа, чтобы отыскивать ихъ на удачу, для успѣха — ихъ нужно видѣть во-очію, да и этого еще недостаточно.

Что касается до выбора мѣста для расположенія нашего отряда въ цѣляхъ обезпеченія слѣдованія главныхъ силъ, то это было исполнено Пассекомъ со свойственнымъ ему глазомѣромъ и съ тѣмъ знаніемъ и пониманіемъ условій дѣйствій въ горахъ, которыми Пассекъ владѣлъ въ совершенствѣ и въ чемъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго среди кавказскихъ офицеровъ.

Я нарочно опираюсь на всѣ цѣли, поставленныя Пассеку, и на средства и способы Пассека для ихъ достиженія, такъ какъ вызванныя ими дальнѣйшія операціи нашего отряда (которыя я стараюсь доложить съ возможной точностью) были подвергнуты въ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1910 г.

свое время строгой критикѣ и составили одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ обвиненія, предъявленнаго памяти этого генерала ¹⁾.

Я говорю лишь во имя справедливости, потому что таково мое убѣжденіе, что онъ исполнилъ лишь то, что ему слѣдовало ²⁾; я свидѣтельствую въ память покойника, который не разъ полагался на мою защиту передъ великими міра сего въ минуты, когда онъ и не предполагалъ, что ему еще раньше придется предстать для отвѣта предъ лицомъ Господа Бога.

Я также осуждаю это продолжительное наше пребываніе на „холодной горѣ“, такъ прозванной солдатами за вынесенныя ими тамъ бѣдствія отъ холода, но мое осужденіе исходитъ изъ другихъ соображеній, чѣмъ общепринятая тогда осужденія Пассека ³⁾, и я осуждаю единственно лишь изъ того обстоятельства, что у подошвы этой „холодной горы“ было другое мѣсто, гдѣ бы мы бѣдствовали значительно менѣе, и откуда мы одинаково хорошо обезпечивали бы слѣдованіе главныхъ силъ отряда къ Мичикалу.

¹⁾ Обвиненіе Пассека въ дальнѣйшемъ, по занятіи Анчимаера, движеніи исходило изъ правильнаго соображенія, что, занявъ позицію у Анчимаера, мы брали во флангъ и въ тылъ Мичикальскую позицію, которую наши противники немедленно и бросили, слѣдовательно, Пассеку нечего было идти по хребту далѣе на Зунумееръ (холодную гору), оторвавшись отъ главныхъ силъ и подвергнувъ себя бѣдствіямъ, и это дальнѣйшее движеніе оцѣнивалось въ отрядѣ „необузданной отвагой честолюбиваго Пассека“. Конечно, вина ложится и на Пассека, но виновать и Воронцовъ, *оправданія котораго*, что „успѣхъ занятія Анчимаера былъ такъ быстръ, что Воронцовъ не успѣлъ дать Пассеку дальнѣйшихъ указаній“ — *недѣйствительны*, онъ былъ обязанъ ориентировать Пассека, дать точное наставленіе и уже во всякомъ случаѣ обезпечить его обозомъ и тѣмъ или другимъ способомъ облегчить отряду Пассека его лишенія и бѣдствія.

Б. К.

²⁾ Благородный Бенкендорфъ оправдываетъ Пассека, доказывая, что ему слѣдовало преслѣдовать, что и вызвало дальнѣйшее движеніе впередъ, но кто можетъ теперь доказать, слѣдовало или не слѣдовало преслѣдовать по горамъ?!. Но къ заявленію Бенкендорфа, какъ человѣку правдивому и участнику, слѣдуетъ отнестись съ полнымъ вниманіемъ, и мы въ значительной степени склоняемся къ убѣжденію, что графъ Воронцовъ виновать значительно болѣе Пассека, но Пассекъ былъ скоро убитъ, а Воронцовъ остался живъ и въ силѣ, и въ могуществѣ, и кто могъ впослѣдствіи оправдать Пассека!

Б. К.

³⁾ Упомянутыя нами и заключавшіяся въ „необузданной отвагѣ честолюбиваго Пассека“.

Б. К.

Но зналъ ли тогда кто-нибудь о существованіи этого мѣста? ¹⁾

Мы были затеряны въ облакахъ, затеряны въ странѣ, гдѣ еще не ступала нога русскаго, и тѣмъ не менѣе Пассекъ сумѣлъ дѣйствовать и опредѣлить стратегическій пунктъ, занятіе котораго обезпечило успѣхъ экспедиціи. Пассекъ, въ эту эпоху, имѣлъ много недруговъ и особенно завистниковъ среди лицъ главной квартиры; на молодого сравнительно офицера, едва только начавшаго подвизаться на Кавказѣ, имѣли зубъ и полковники, которыхъ онъ обогналъ на службѣ, и двадцатилѣтніе генералы, съ которыми онъ было сравнялся.

Правды ради, слѣдуетъ признать, что Пассекъ всѣхъ ихъ оскорблялъ своимъ высокомеріемъ и тщеславіемъ, которыми онъ былъ всецѣло проникнутъ.

Я въ жизни не встрѣчалъ большаго спорщика и, когда онъ сознавалъ, что неправъ, и доводы его уже не были дѣйствительны, то онъ переходилъ къ рѣшительнымъ приемамъ, подобно атакѣ непріятельской позиціи и, что называется, бралъ штыковымъ ударомъ. Такъ, однажды, когда среди его оспаривавшихъ и уже утомившихся съ нимъ въ спорѣ лицъ, одинъ изъ его товарищей, долѣ другихъ его оспаривавшій, замѣтилъ ему, что для продолженія съ нимъ спора у него не хватаетъ не доводовъ, а силы легкихъ, то Пассекъ, все еще метавшій грома, отвѣтилъ ему: „Ну, не спорьте тогда, когда грудь слаба“. Какъ конечно не было естественно, что Пассекъ имѣлъ враговъ, но въ данномъ случаѣ были неправы обвинители Пассека. Какъ ни трудно мнѣ разъяснить это обстоятельство, не имѣя карты, но я все же попытаюсь.

Перейти отъ Киркинскаго перевала къ верховью долины *Мичи-Кале* (важному пункту, который слѣдовало занять для прегражденія здѣсь доступа противнику), возможно было по двумъ направленіямъ: первое (горами), принятое Пассекомъ, въ 8 верстъ протяженія, второе, пролежавшее тропинкой вдоль двухъ долинъ—Коцу и Мичикале, пересѣкавшихся почти прямымъ угломъ, въ 20 верстъ протяженія.

Слѣдовательно, для достиженія позиціи, занятой нами въ качествѣ авангарда, было два направленія, одно — прямолинейное, другое — кружное. Утверждать, что главнымъ силамъ слѣдовало слѣпо идти въ хвостъ за нами, было бы конечно абсурдомъ (по тысячѣ причинъ, объяснить которыя заняло бы много времени и

¹⁾ Вотъ почему Воронцову и не слѣдовало торопиться, а развѣдать, что лежало уже не на Пассекъ, а на штабъ Воронцова, хотя конечно и Пассекъ могъ этимъ озаботиться.

было бы бесполезно), и главные силы конечно не могли рисковать подобнымъ движеніемъ, но было ошибочнымъ не развѣдать другой дороги, на которую *Пассекъ указывалъ совершенно опредѣленно* ¹⁾.

Главнымъ силамъ оставалось только слѣдовать этой дорогой, во-первыхъ, дабы возможно было насъ розыскать, а во-вторыхъ для возможности снабженія насъ, не давъ намъ умирать съ холоду и съ голоду. вмѣсто того, чтобы принять это простое и естественное рѣшеніе, продолжали (очевидно, Бенкендорфъ говоритъ о главной квартирѣ, свитѣ и вообще о лицахъ, составлявшихъ верхи отряда) теряться въ догадкахъ и соображеніяхъ о нашемъ смѣломъ движеніи и критиковать Пассека, который яко бы одинъ хотѣлъ все кончить, ничего не оставляя другимъ и предоставляя насъ такимъ образомъ всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, черезъ которыя намъ пришлось проходить ²⁾.

Чудесное утро 6-го іюня застало насъ на вершинѣ Анчимеера. Воздухъ на большихъ высотахъ отличается необычайной прозрачностью, съ глазъ какъ бы спадаетъ какая-то завѣса, и поле зрѣнія увеличивается почти вдвое.

¹⁾ Въ чемъ же тогда заключалась рекогносцировка графа Воронцова съ его многочисленной свитой и штабомъ? Это показаніе Бенкендорфа во всякомъ случаѣ очень важно и, конечно, останься въ живыхъ Пассекъ, онъ бы вѣроятно оправдался, но онъ былъ вскорѣ убитъ, а графъ Воронцовъ ни слова не сказалъ въ его оправданіе.

Б. К.

²⁾ Высота Анчимеера была взята Пассекомъ 5-го іюня, при чемъ отрядъ его былъ безъ обоза и вообще налегкѣ и такъ и заночевалъ на 6-ое іюня. Воронцовъ же хотѣлъ Дагестанскій отрядъ двинуть въ оставленное противникомъ ущелье Мичикале, а остальные силы двинуть къ подошвѣ Анчимеера, къ бывшему укрѣпл. „Удачному“, притянувъ сюда и всѣ свои обозы, и слѣдовать потомъ на Мичикале. 6-го іюня Пассекъ, увлекшись преслѣдованіемъ, прошелъ хребтомъ Ичкенъ еще 15 верстъ и расположился на *Зунумееръ*, — „холодной“ горѣ и тогда же Дагестанскій отрядъ перешелъ въ Мичикале; очевидно, что пора было спустить внизъ отрядъ Пассека. Между тѣмъ графъ Воронцовъ съ остальными силами только 7-го перешелъ къ подошвѣ Анчимеера и ничѣмъ не поддержалъ и не снабдилъ Пассека, бывшаго въ 15-ти верстахъ впереди. Первая поддержка, хотя и недостаточная, оказана Пассеку послѣ полудня 9-го, и онъ оставленъ на „холодной“ горѣ еще на двое сутокъ, когда нужды въ этомъ не было никакой, и только 11-го спущенъ въ долину. Вина въ бѣдствіяхъ отряда падаетъ на старшее начальство, на графа Воронцова, и незнаніе имъ условій дѣйствій въ горахъ не оправданіе: было у кого ознакомиться съ этими условіями, знатоковъ при отрядѣ было много.

Съ полнымъ удобствомъ мы какъ бы парили надъ этимъ нагроможденіемъ скалъ, надъ этими чудовищными трещинами и пропастями, которыя сходятся, сплетаются, но нигдѣ не прерываются, составляя въ общемъ страну горъ, именуемую Дагестаномъ. Мы не встрѣчаемъ здѣсь ничего подобнаго строенію извѣстныхъ намъ горныхъ странъ, гдѣ соединеніе горныхъ цѣпей, возвышеніе и опусканіе хребтовъ слѣдуетъ извѣстной системѣ. Здѣсь — цѣлый міръ обломковъ и развалинъ: все здѣсь перемѣшано, все разбито, все въ безпорядкѣ; точно чудовищныя волны океана какъ бы внезапно застыли и окаменѣли въ бурю; это полное изображеніе первобытнаго хаоса.

Восхищаешься потрясающей красотой величественнаго и внушительнаго зрѣлища, но вмѣстѣ съ тѣмъ испытываешь чувство ужаса, какъ бы очутившись передъ вратами ада.

Отсюда понятно отвращеніе, внушаемое нашимъ бѣднымъ солдатамъ грозной природой Дагестана, и та захватывающая тоска по родинѣ, отъ которой они гибнутъ, вспоминая широкое раздолье этой родины, ея зеленныя, слегка волнистыя равнины, богатныя и цвѣтуція, веселыя субботнія хоровыя пѣсни и хороводы и церковныя воскресныя службы.

Сколько разъ замѣчалъ я, какъ наши солдаты вздыхали о прелестяхъ Чечни, между тѣмъ какъ тамъ ихъ отовсюду подстрѣливаютъ, и каждый переходъ по лѣсу стоитъ чьей-нибудь жизни. Но тамъ, по крайней мѣрѣ, есть трава, есть лѣсъ, которые все-таки напоминаютъ родину, а въ Дагестанѣ однѣ скалы да камни, камни да скалы.

„Когда бы только избавиться отъ этихъ проклятыхъ горъ“.

Нельзя не повторить съ Ермоловымъ его энергичнаго чисторусскаго выраженія, вырвавшагося у него, когда онъ, съ вершины Караная, какъ и мы теперь, въ первый разъ увидалъ у своихъ ногъ этотъ огромный лабиринтъ пропастей, громадныхъ горъ, расколотыхъ и перевернутыхъ, образующихъ это море камней и скалъ Дагестана.

Багровое солнце подымалось изъ-за Койсубулинскихъ горъ.

Русскій человѣкъ легко поддается чужеземному вліянію, и наши войска быстро перенимаютъ нравы и обычаи сосѣднихъ народовъ. Видя, изо дня въ день, какъ муллы, простирая руки къ востоку, съ высоты минаретовъ призываютъ правовѣрныхъ къ молитвѣ, мы, христіане, тоже обращаемся лицомъ къ востоку, вознося къ Богу и наши молитвы.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть величественнѣе и красивѣе восхода солнца въ горахъ Кавказа. Въ походѣ особенно набожно склоняешь голову передъ золотымъ свѣтиломъ, только что озарившимъ своимъ свѣтомъ поле новаго боя. „Зайдетъ ли оно до, или послѣ моей смерти за этими другими горами, по направленію которыхъ оно движется и отъ которыхъ находится всего въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія?“ Таковъ сокровенный передъ вѣчностью вопросъ у cadaго, заставляющій скрестить руки на молитву о Божьей помощи.

Барабаны ударили подъемъ, и мы выступили ¹⁾. Мы приостановились у подножія горы, чтобы утолить жажду, такъ какъ на вершинѣ Анчмеера не было воды. По пути намъ пришлось еще взбираться на горы. Весь остатокъ этого дня мы не сходили съ вершинъ, и это былъ лучшій способъ обозрѣнія мѣстности и быть насторожѣ всякихъ неожиданныхъ нападеній, такъ какъ мы надъ всѣмъ господствовали.

Направо шли все горы и горы, за которыми раскрывалось Мичикальское ущелье, налѣво, примѣрно верстахъ въ десяти, находилась воронка или трещина (затрудняюсь дать точное названіе), промытая водами р. Андійскаго Койсу, которая и представляетъ естественную преграду между двойнымъ кряжемъ горъ, образующихъ Гумбетъ, и высокимъ центральнымъ плато голыхъ скалъ, образующимъ Аварію. Позади этихъ скалъ на фонѣ голубого неба вырисовываются ледники Дидо и горы Лезгинской кордонной линіи.

Я былъ въ арріергардѣ. Пассекъ перестрѣливался съ небольшими партіями горцевъ. Въ концѣ дня я получилъ приказаніе занять вновь высоту, уже нами пройденную и оставленную позади, и на ней основаться. Эта была „холодная“ гора, или, по мѣстному — *Зунумееръ*. Вершина горы была покрыта остроконечными скалами съ небольшими углубленіями и пещеркой на подобіе собачьей будки, очевидно посѣщаемой мѣстными пастухами, судя по остаткамъ въ ней соломы. Я въ ней расположился; двѣ мои роты стали фронтомъ по гребню горы, которая сообщалась съ другими

¹⁾ Это и было то выступленіе съ Анчмеера ген. Пассека и слѣдованіе его хребтомъ Ичкенъ по направленію къ Мичикале, которое такъ осуждалось въ отрядѣ и признавалось безцѣльнымъ, ибо, занимая Анчмееръ, Пассекъ достаточно обезпечивалъ занятіе нами Мичикале. Чѣмъ было вызвано это движеніе, которымъ Пассекъ отрывался отъ главныхъ силъ и лишалъ себя всѣхъ средствъ довольствія, остается неизвѣстнымъ. Бенкендорфъ оправдываетъ это движеніе, указывая, со словъ Пассека, на данныя ему Воронцовымъ задачи.

Б. Колубакинъ.

горами; карабинеры 1-ой роты стали въ резервъ, а громовой голосъ Колюбакина (командира 3-ей роты) раздавался на самой вершинѣ, повисшей надъ бездной и имѣвшей своими защитниками 3-ю Егерскую роту. Я приказалъ немедленно соорудить изъ дерна небольшой парпетъ, который снаружи обложить широкими каменными плитами. Мы приняли эту мѣру не въ цѣляхъ усиленія обороны нашего расположенія (до сихъ поръ на Кавказѣ не было случая атаки горцами нашего расположенія), но лишь съ цѣлью предохраненія людей отъ пораженія ихъ ружейными пулями, посылаемыми намъ ночью. На огонь непріятели мы не отвѣчали, дабы не давать огоньками нашихъ выстрѣловъ точекъ прицѣливанія для винтовокъ горцевъ, стрѣлявшихъ обыкновенно на удачу; во всякомъ случаѣ надо быть насто-рожь и укрытымъ.

Тѣмъ не менѣе, горцы всю эту ночь поддерживали противъ насъ значительный и весьма оживленный огонь, и мы имѣли 12 человекъ раненыхъ.

Къ счастью, у меня въ баталіонѣ не было потерь. Мои незначительныя укрѣпленія были окончены, и люди, лежа за ними съ винтовками въ рукахъ, были достаточно прикрыты.

Въ этотъ день, какъ и въ предыдущій, сухари были нашей единственной пищей, и такъ какъ они были въ размѣрѣ всего суточной дачи ¹⁾, то я указывалъ людямъ экономизировать сухари, хотя наши вьюки и довольствіе и ожидалось на слѣдующій день. Но на слѣдующій день опять таки ничто не прибыло, и прибыли только собственные вьюки Пассека, денщикъ котораго, опасаясь Пассека болѣе чѣмъ непріятели, превозмогъ всѣ затрудненія и присоединился. Кромѣ того мы получили приказъ по войскамъ, отданный графомъ Воронцовымъ по случаю дѣла 5-го іюня, продиктованный имъ сейчасъ же послѣ дѣла, лично, и тутъ же на мѣстѣ, одному изъ стоявшихъ при немъ чиновниковъ, писавшему его на барабанѣ ²⁾.

Графъ Воронцовъ былъ большой мастеръ вести дѣла въ военномъ духѣ; приказъ былъ изъ самыхъ лестныхъ, его прочли во всѣхъ ротахъ, и онъ былъ принятъ восторженно. Въ этомъ же приказѣ намъ было предписано представить всѣхъ отличившихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Составленіе наградныхъ листовъ—дѣло нелегкое, и оно отняло

¹⁾ Какъ могъ допустить Воронцовъ потерю всякой связи съ своимъ авангардомъ и необезпеченіе его предметами первой необходимости на столь продолжительное время? Б. К.

²⁾ Вѣроятно, барошъ Николай Павловичъ Николаи или Щербининъ. Б. К.

у меня все утро и заставило меня забыть, что мы вновь провели его безъ пищи.

Видя ту озабоченность, серьезность и таинственность, съ которыми наши походныя канцеляріи приступаютъ къ составленію наградныхъ списковъ, можно думать, что въ этомъ-то и заключается весь смыслъ войны, самое важное на Кавказѣ дѣло. „Представленія“ (къ наградамъ) служатъ какъ бы пробнымъ камнемъ характера личности; личности обнажаются тогда отъ всѣхъ прикрасъ, и на сцену выступаютъ пересуды и интриги, зачастую при этомъ выступаютъ на сцену лица, неизвѣстныя доселѣ въ отрядахъ и которыя въ эту минуту умѣютъ извлечь для себя выгоду изъ пролитой другими крови; подчасъ встрѣчаешь между ними и почтенныхъ усатыхъ ветерановъ, которые во исполненіе долга остаются непоколебимыми передъ любыми завалами, а тутъ—пасуютъ и поддаются тлетворному вліянію этого очага сплетень и интригъ.

Этому „наградному дѣлу“ придаютъ столь большое значеніе, что оно въ самомъ дѣлѣ приобрѣло особый характеръ оригинальности.

Какъ каждый вѣкъ имѣетъ (вырабатываетъ) своего человѣка, такъ на Кавказѣ каждое ремесло имѣетъ тоже своего человѣка.

Наградныя дѣла породили на Кавказѣ тотъ особый сортъ людей, которыхъ честные люди окрестили прозвищемъ „штабныхъ крысъ“ и которые имѣютъ вполне опредѣленный и рѣзко очерченный обликъ, вполне обособленный типъ, не говорящій ни уму, ни сердцу. Отъ чиновниковъ они заимствовали подобострастіе, отъ писарей и переводчиковъ—нахальство, ничего не взявъ отъ боевого офицера. Къ нашей чести слѣдуетъ замѣтить, что чисто русскіе люди и нѣмцы не принадлежатъ къ этой категоріи, и въ большинствѣ случаевъ ее заполняютъ хохлы, или армяне, или поляки. Эти послѣдніе особо выѣдрились на Кавказѣ и пустили здѣсь глубокіе корни во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ, покрывъ всю военную администрацію невидимой сѣтью, окутавъ всѣ ея части и отрасли, начиная съ ротнаго писаря и кончая начальникомъ канцеляріи нашихъ генераловъ-администраторовъ.

Конечно эта паутина не имѣетъ никакого политическаго значенія и на Кавказѣ объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, но она создала цѣлую систему взаимнаго покровительства, распространяющагося на всѣхъ ея членовъ, и вліяніе этой системы на жизнь и характеръ людей несомнѣнно.

Боже меня упаси быть пристрастнымъ. Я очень далекъ отъ этого, чтобы приписывать людямъ этихъ трехъ національностей недостойную роль и умалять ихъ заслуги на службѣ правительству.

Малороссъ (хохоль) съ его полукочевыми привычками былъ од-

нимъ изъ первыхъ русскихъ піонеровъ въ нашихъ колоніяхъ и завоеваніяхъ на югѣ и былъ болѣе способенъ приспособиться ко всевозможнымъ условіямъ, сохраняя одновременно свою самобытность.

Армянинъ въ Закавказьѣ—вся надежда нашего будущаго, въ немъ соединяется интеллигенція и богатство края. Полякъ, въ свою очередь, даетъ превосходныхъ офицеровъ и солдатъ, достойныхъ сподвижниковъ русскихъ.

Хохлы, армяне и поляки обладаютъ качествами, которыя у насъ (русскихъ и нѣмцевъ) имѣются въ меньшей степени, въ обществѣ они пріятны, подчасъ даже гибки, а между тѣмъ эти качества всегда цѣнились людьми при выборѣ окружающихъ и сослуживцевъ.

Кромѣ наградъ солдатамъ, по моему личному усмотрѣнію, главнокомандующій въ своемъ приказѣ пожаловалъ на каждую роту по пяти серебряныхъ георгіевскихъ крестовъ, и роты сами должны были выбрать достойныхъ.

Этотъ старый обычай вознагражденій въ нашей арміи, представляющій солдатамъ право указать путемъ общаго избранія на наиболѣе отличавшихся, обычай прекрасный, но, какъ и многія другія теоріи о свободѣ, непримѣнимъ на практикѣ. Избраніе существуетъ по требованію обычая, но оно всегда подчиняется косвенному вліянію ротныхъ и баталіонныхъ командировъ.

Если бы солдатамъ предоставитъ въ этомъ отношеніи полную свободу, то мы бы увидѣли, что выборъ ихъ остававливался бы не столько на вполне достойныхъ и храбрыхъ, сколько на крикунахъ, состоящихъ въ оппозиціи фельдфебелю; лѣвый элементъ быстро одержалъ бы верхъ, такъ какъ режимъ воинской дисциплины не вырабатываетъ консерватизма и было бы совершенно невозможно справиться съ такимъ лѣвымъ элементомъ, который обладалъ бы всѣми привилегіями, сопряженными съ георгіевскимъ крестомъ.

Вѣрный кавказскимъ обычаямъ, я прежде всего пришелъ на помощь „несчастнымъ“. Съ особымъ удовольствіемъ я сыгралъ въ пользу одного стараго поляка, котораго я зналъ многіе годы и которому никто никогда не приходилъ на помощь. Онъ представлялъ изъ себя одну изъ безвѣстныхъ жертвъ польскаго безумія (1830—31 г.), которое разбило столько жизней, навлекло столько несчастій на многіхъ несчастныхъ бѣдняковъ, явившихся козлищами отпущенія настоящихъ виновниковъ.

Погода мѣнялась. Густой туманъ, сырой и холодный, разстилался по вершинамъ занимаемой нами горы, окружая насъ со всѣхъ сторонъ. На слѣдующій день къ нему присоединился дождь и снѣгъ.

Въ походѣ, когда приходится постоянно быть на свѣжемъ воздухѣ, хорошая погода сущая благодать; усталость и тяжелыя лишенія переношишь безъ особаго ропота; не бѣда, если бушуетъ гроза, если холодъ леденить члены и, какая бы ни была непогода, она не подкоситъ бодрости, но вотъ, когда исчезнуть небо и солнце, эти надежда и маякъ солдата, когда лишаешься его свѣта, тогда чувствуешь себя какъ бы заброшеннымъ, представляешь себя всѣми забытымъ, кажется, что и Господь Богъ отъ тебя отвернулся.

Мы во всемъ нуждались; на солдатахъ были только мундиры и полотняныя шаровары и шинели, не было ни палатокъ, ни другихъ какихъ-либо укрытій отъ холода, вѣчной сырости, снѣга, дождя, вѣтра и бури, которая бушевала на этихъ высотахъ, почти лишенныхъ растительности; не было и дровъ, чтобы развести огонь, а мы были на высотѣ 7000 ф. надъ уровнемъ Каспійскаго моря.

Сухари были уже съѣдены еще 5-го числа, и единственной пищей намъ служили крошки сухарей, смѣшанныя съ травой и мохомъ; питьемъ служилъ снѣгъ и вода, просачивающаяся между скаль, которую солдаты собирали ложками. Продолжительность дурной погоды угрожала прервать всѣ способы сообщенія, лазутчики не могли до насъ добраться и, казалось, еще день и мы уже не были бы въ состояніи ни спуститься съ горы, ни получить никакой помощи, кромѣ того, горцы, хотя и на почтительномъ разстояніи, но не переставали насъ беспокоить. Правда, пули ихъ не приносили намъ вреда, но заставляли насъ держаться постоянно насторожѣ.

Такимъ образомъ прошли дни 7-го и 8-го и часть 9-го. Холодъ увеличивался, снѣгъ покрылъ все кругомъ и, дабы окончательно не замерзнуть, солдаты рыли ямы, въ которыхъ тѣснились по 3 человека: одна шинель служила матрацомъ, двѣ другія—одѣяломъ.

Не было слышно ни пѣсенъ, ни криковъ, ни разговоровъ и надъ нами повисло мертвое молчаніе. Молчаніе—самое сильное выраженіе страданія. Человѣкъ, полный достоинства, мужества и рѣшительности, выражаетъ молчаніемъ самое глубокое свое страданіе.

Молчаніе—языкъ существа слабаго и нѣжнаго, разбитаго несчастіемъ, видѣвшаго опущеніе въ могилу его счастья и сохранившаго надежду только на Бога. Могучая натура нашего чуднаго солдата также молчаніемъ отвѣчала на ужасныя, выпавшія ей страданія, выпадавшія ему въ теченіе его продолжительной и трудной боевой и походной службы.

Господь, который видитъ его страданія, навѣрное къ нему будетъ милостивъ въ тотъ день, когда послѣдній разъ на вечерней переключкѣ онъ отвѣтитъ—„есть“,—въ тотъ день, когда противъ

его имени въ ротномъ спискѣ будетъ отмѣчено — „убить или умерь“.

При описаніи всѣхъ нашихъ бѣдствій мнѣ стыдно говорить о себѣ, но я не могу этого избѣжать, такъ какъ судьба офицера неизбежно есть часть общей картины походной службы. Мой другъ баронъ Шеппингъ снабдилъ моего казака кое-какой провизіею: чаемъ, сахаромъ и копченымъ языкомъ, и мы этимъ питались. Чтобы развести огонь, пришлось пустить въ дѣло древко ротнаго значка и перекладыны ротныхъ носилокъ.

Помнится мнѣ, какъ офицеры моего баталіона угостили меня нѣсколькими ложками овсяной похлебки, и какъ князь Казбекъ далъ мнѣ бутылку кахетинскаго, которая конечно была распита въ общей компаніи.

Также припоминаю, что во весь день 8-го я выпилъ только одинъ стаканъ чая безъ сахара. Укрывался я только буркой и припоминаю, какъ, при наступленіи ночи, мой вѣрный казакъ Игумновъ ложился на нѣсколько часовъ на мое мѣсто, чтобы хотя немного его обсушить и обогрѣть, послѣ чего я кое-какъ укладывался, и какъ другой молодчина солдатъ моего баталіона съ той же цѣлью ложился на мои ноги. Однако всѣ эти мѣры приносили мнѣ мало пользы, такъ такъ при каждомъ выстрѣлѣ, а они раздавались очень часто, мнѣ приходилось вставать, чтобы встряхнуть людей и вывести ихъ изъ спячки; по возвращеніи мое укромное и столь уютное логовище уже превращалось въ ложе грязи и снѣга.

Наконецъ, послѣ полудня 9-го появилась для нашего снабженія значительная колонна генераль-лейтенанта князя Бебутова. Велико же было наше счастье!

Колонна прибыла со стороны Мичикале (гдѣ уже были главныя силы), сдѣлавъ большой обходъ.

Благодаря какой-то путаницѣ, въ которой мнѣ такъ и не удалось разобраться, колонна эта, вмѣсто того, чтобы доставить намъ весь нашъ обозъ, доставила намъ обозъ только для трехъ баталіоновъ нашего отряда, принадлежавшихъ къ общей колоннѣ князя Бебутова, а остальные три баталіона (въ томъ числѣ и Куринскій), принадлежавшіе къ общей колоннѣ генерала Лидерса¹⁾, были такимъ образомъ совершенно забыты.

¹⁾ Произошло это вслѣдствіе того, что въ Мичикале еще 6-го двинуть былъ, какъ бы въ первомъ эшелонѣ, Дагестанскій отрядъ князя Бебутова, и что только изъ Мичикале возможно было войти въ связь съ Пассекомъ,

Я поднялъ такой шумъ, что мнѣ удалось получить для моихъ людей двухдневную дачу сухарей, полпорціи спирта, по палаткѣ на роту и кромѣ того еще нѣсколько палатокъ для офицеровъ и раненыхъ.

Солдаты умудрились помѣщаться въ одной палаткѣ по сорока человѣкъ.

При подобныхъ условіяхъ снабженія мы провели на „холодной горѣ“ еще двѣ ночи съ 9-го на 11-ое, и эти ночи были ужаснѣйшими изъ всѣхъ!! Всякое страданіе имѣетъ свой предѣлъ, но мы его перешли. Холодъ все увеличивался; *послѣднюю ночь у насъ замерзло два человѣка*, число больныхъ все возрастало, и въ моемъ баталіонѣ, пострадавшемъ менѣе другихъ, я въ концѣ концовъ имѣлъ 90 *человѣкъ больныхъ*, а между тѣмъ извѣстно, что хорошему солдату у насъ совѣстно и стыдно признаться въ своихъ страданіяхъ. На всѣ вопросы они обыкновенно отвѣчали: „ничего, крѣпимся“.

Частенько вспоминаю ихъ, когда приходится крѣпиться.

Ужасный запахъ разложенія нашихъ лошадей, почти всѣхъ навшихъ отъ голода, переполнилъ мѣру нашихъ бѣдствій.

Моя красивая сѣрая кобыла „Жидовка“—самая красивая лошадь во всемъ отрядѣ — погибла для меня: послѣ своего пребыванія на „холодной“ горѣ она уже никогда не могла поправиться.

Наконецъ пробилъ часъ избавленія. Это было 11-го послѣ полудня, въ одинъ изъ самыхъ холодныхъ, но чудесныхъ въ горахъ дней, какой только я помнилъ; туманъ исчезъ и послѣ шести дней, проведенныхъ во мракѣ ада, мы увидѣли надъ собой голубой сводъ неба, а подъ нами широкую долину, въ глубинѣ которой, словно муравьиныя гнѣзда, ютилось 5 или 6 селеній, о близости которыхъ мы и не подозрѣвали, но мы наблюдали ихъ съ такой высоты, что разглядѣть жителей было невозможно.

Въ командованіи нашимъ отрядомъ генераль Пассекъ былъ

перешедшимъ 6-го же къ Зунумееру, а потому Бебутовъ 9-го и выслалъ обозы баталіоновъ, бывшихъ въ составѣ его отряда, а другіе баталіоны Пассека, входившіе въ составъ Чеченскаго отряда (какъ и баталіонъ Венкендорфа) имѣли свои обозы на Киркинскомъ перевалѣ, вблизи Анчимеера, откуда, по мѣстнымъ условіямъ (не говоря уже о снѣгѣ и туманѣ), нельзя было выслать обозъ на Зунумееръ. Конечно, и эти обстоятельства не оправданіе штабу отряда, да и самому графу Воронцову.

Б. К.

замѣненъ генераломъ Лабынцевымъ, получившимъ приказаніе очистить „холодную гору“ и двинуться впередъ, чтобы снова составить авангардъ главныхъ силъ отряда, присоединившагося къ намъ въ полномъ составѣ и бывшего на пути къ Андійскимъ воротамъ.

Я принялъ командованіе арріергардомъ, въ составѣ 2-хъ баталіоновъ, почему и оставилъ эту проклятую гору послѣднимъ. Немедленно же послѣ насъ ее занялъ непріятель и провожалъ насъ огнемъ, пока мы не спустились въ глубокое дефіле, которое насъ отъ него и закрыло.

Было 9 часовъ вечера, и наступилъ полный мракъ, когда я достигъ съ своимъ арріергардомъ ночлега. Здѣсь, наконецъ, мы нашли весь нашъ обозъ и наши палатки, о которыхъ напрасно вздыхали мы восемь дней. Я немедленно пошелъ къ палаткѣ генерала Лабынцева, котораго я зналъ уже съ давнихъ поръ.

Лабынцевъ имѣлъ на Кавказѣ одну изъ самыхъ громкихъ боевыхъ репутацій. Это былъ типичный старый пѣхотный офицеръ и столь же типичный російскій ворчунъ. Въ немъ чувствовался человѣкъ, немало сгибавшійся подъ тяжестью ранца. Вѣчно не въ духѣ, вѣчно занятый критикой, фрондереъ, какіе водятся только у насъ, съ готовымъ всегда на устахъ ругательствомъ, *Лабынцевъ* являлся блистательнымъ офицеромъ въ день боя, особенно командуя арріергардомъ; это былъ по истинѣ Ней Кавказской арміи. Съ своими преданными кабардинцами, которыми онъ когда-то долго командовалъ, *Лабынцевъ* пройдетъ всюду и всегда, прорветъ и опрокинетъ всякое сопротивленіе, хотя бы для того, какъ это было съ нимъ въ 1840-мъ году, и пришлось ему, несмотря на свое генеральское званіе, лично стать во главѣ предпринимаемаго имъ удара въ штыки ¹⁾.

Сынъ бѣднаго сельскаго священника, солдатъ съ раннихъ годовъ своей жизни и все время на службѣ на Кавказѣ, *Лабынцевъ*, безъ малѣйшей протекціи, всѣ свои чины и награды добылъ себѣ исключительно только своими личными заслугами и подвигами храбрости.

¹⁾ Какъ рассказчикъ правдивый и честный, Бенкендорфъ не могъ не отдать должнаго славному *Лабынцеву*, личности очень скромной, но столь же замѣчательной по пониманію дѣла войны и искусному управленію войсками во всѣхъ видахъ боя. Не удивительно, что въ этомъ походѣ онъ критиковалъ и ругался, такъ какъ этотъ первый опытъ графа Воронцова на Кавказѣ, что называется, вышелъ комомъ, и опытные кавказцы естественно негодовали; особенно вызывала критику торопливость и неосмотрительность дѣйствій графа, совершенно чуждаго условіямъ веденія войны и боя на Кавказѣ.

Будучи еще неизвѣстнымъ подпоручикомъ и командуя слабого состава ротой 39-го егерскаго полка, Лабынцевъ при штурмѣ Карса въ 1828-мъ году добылъ себѣ офицерскаго Георгія 4-го класса, когда атаковалъ по приказанію своего непосредственнаго начальства, если не сказать—противно приказанію Паскевича ¹⁾.

Въ Россіи нѣтъ никого, кто могъ бы сравниться по отвагѣ съ армейскимъ подпоручикомъ, сознающимъ, что за нимъ только и есть, что его мундиръ, и воображающимъ, что весь міръ готовъ ему подчиниться; беззаботно и весело ставитъ онъ на одну и ту же карту и свое настоящее и будущее.

Россіи вообще свойственъ духъ завоеванія, и въ нашей арміи любятъ приключенія и смѣлыя предпріятія, такъ какъ держатся того мнѣнія, что для успѣха и для удовлетворенія самаго требовательнаго честолюбія достаточно только одной энергической воли, и мы никогда не будемъ имѣть недостатка въ людяхъ дѣла и вообще въ людяхъ рѣшительныхъ ²⁾.

Лабынцевъ въ этотъ день былъ не въ духѣ болѣе чѣмъ когда-либо, такъ какъ „нечѣмъ было закусить“, и я возможно быстро окончилъ свой докладъ.

Я поторопился обойти мои передовые посты, гдѣ все время шла непрерывная пальба. Окончивъ свою провѣрку, я испыталъ чувство, которое можно сравнить развѣ только съ чувствомъ вступленія на берегъ послѣ жестокой бури. Наши палатки были разбиты. Весело сверкали большіе бивачные огни. Котлы дымились, и нашимъ бѣднягамъ-солдатамъ, впервые въ теченіе цѣлыхъ восьми сутокъ, наконецъ, было предоставлено хотя немного отвѣдать горячей пищи.

Прежде всего, по французской пословицѣ — „charité bien ordonnée commence par soi même“ ³⁾, я расскажу о самомъ себѣ. Я неспособенъ припомнить, каковы были тогда, въ этотъ первый день мой ощущенія. Для моего собственнаго удовлетворенія я все же склоненъ думать, что эти первыя ощущенія не были эгоистичны. Такъ или иначе, по и моя палатка была разбита, и я нашелъ въ ней даже то, что съ нѣкоторымъ хвастовствомъ можно было бы назвать постелью, и я могъ наконецъ перемѣнить бѣлье, съ большими усиліями снявъ съ моихъ ногъ совершенно прилипшіе къ нимъ сапоги. Наконецъ, я увидѣлъ на столѣ давно невиданную

¹⁾ Какъ извѣстно, штурмъ этотъ состоялся противно волѣ Паскевича, грозившаго наказаніемъ, въ случаѣ неудачи, всѣмъ ослушникамъ. . Б. К.

²⁾ Глубоко-вѣрное наблюденіе Бенкендорфа, жившаго впечатлѣніями сороковыхъ годовъ на Кавказѣ. Б. К.

³⁾ „Хорошо исполненное милосердіе начинается съ самого себя“. Б. К.

мною роскошь—нѣкое подобіе ужина и вкусилъ нѣсколько часовъ настоящаго отдыха.

Въ походѣ бываютъ минуты драгоцѣнныхъ физическихъ ощущеній.

На войнѣ солдатъ обыкновенно становится материалистомъ и, если онъ только не занятъ своимъ самымъ страшнымъ обязательствомъ и дѣломъ, то всѣ его заботы сосредоточиваются или на надеждѣ отдыха, такъ какъ онъ находится постоянно въ состояніи усталости, или же на ѣдѣ, такъ какъ онъ постоянно голоденъ.

Главный отрядъ, съ которымъ мы теперь соединились, прошелъ также немалыя трудности и лишенія. Распустившіяся отъ дождя и снѣга горныя тропы представили для движенія препятствія, одолѣть которыя было по плечу развѣ только кавказскому солдату. Около дюжины плохо обутыхъ и плохо одѣтыхъ черводаровъ¹⁾ умерли отъ холода.

Сотни павшихъ лошадей усѣяли весь путь слѣдованія отряда.

Снабженіе отряда было совершенно разстроено быстротой марша и продолжительнымъ ненастьемъ, не оставлявшимъ насъ теперь уже до самаго конца кампаніи.

12-го іюня утромъ снова наступили дожди и туманы. Съ разсвѣтомъ назначено выступленіе. Въ распредѣленіи войскъ послѣдовали новыя распоряженія, и мой баталіонъ изъ авангарда переведенъ въ составъ главныхъ силъ съ назначеніемъ, впредь до особаго приказанія, прикрывать артиллерійскій паркъ.

Къ назначенному времени палатки сняты, лошади навьючены имуществомъ и больными, и баталіонъ сталъ „въ ружье“.

Никогда не забыть мнѣ этого дня, глубоко мнѣ памятнаго среди всѣхъ дорогихъ воспоминаній этого похода и памятнаго не по чувству личнаго удовлетворенія, но по чувству почитанія, уваженія и признательности по отношенію человѣка, которому я былъ преданъ во всей той мѣрѣ, на которую я только былъ способенъ.

Мы не видѣли графа Воронцова съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ направилъ насъ на штурмъ горы Анчимееръ.

Сегодня сквозь туманную мглу мы увидѣли группу всадниковъ въ буркахъ и въ башлыкахъ въ предшествіи значка въ сочетаніи бѣлаго съ краснымъ; то былъ самъ главнокомандующій со свитой,

¹⁾ Нанятый для экспедиціи вожатый, съ лошадейю и вьюкомъ; обыкновенно этимъ дѣлямъ служили туземцы, нанимаемые съ мѣсячной платой, при чемъ эти черводары уже сами должны заботиться своимъ продовольствіемъ и своей лошади. Въ этомъ бѣдственномъ походѣ черводары очутились въ очень трудномъ положеніи и гибли сотнями. Б. К.

направлявшійся къ намъ. Скомандовавъ людямъ „на плечо“, самъ я, въ грязи по щиколку, съ палахой въ одной рукѣ и съ большой палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ въ другой, пошелъ навстрѣчу графу Воронцову.

„Боже мой, въ какомъ видѣ!“ обратился графъ ко мнѣ и бросился мнѣ на шею. Дѣйствительно, мы походили на трупы: блѣдные, истощенные, небритые, въ одеждѣ, утратившей какой-либо цвѣтъ, мы произвели бы оригинальное впечатлѣніе на Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ!

Графъ Воронцовъ продвинулъ свою лошадь вплотную къ первой шеренгѣ и обратился къ людямъ со словами благодарности; восторженное, могучее „ура!“ Куринцевъ заглушило голосъ графа. Онъ хотѣлъ продолжать, но слезы его прервали, и онъ только пожималъ мнѣ руки, которыя все это время онъ не выпускалъ изъ своихъ.

Не успѣхъ блестящаго штурма Анчимаера глубоко тронулъ въ эту минуту графа Воронцова, но тронуло его то, что въ эту кампанію мы первые живо напомнили ему его молодость и длинную серію эпизодовъ его боевой службы; мы напомнили ему его бои подъ начальствомъ князя *Циціанова*, *Гулякова*, дѣла подъ *Ганжесей* и *Эриванью*, у *Джарскихъ* лезгинъ и въ *Осетіи*, его четыре кампаніи на Дунаѣ и на Балканахъ и эпизоды войнъ 1812, 1813-го и 1814-го годовъ; въ его памяти внезапно воскресъ цѣлый рядъ славныхъ подвиговъ.

Впервые, послѣ длиннаго ряда годовъ отдыха, когда бои служили ему лишь темой для сдержанныхъ и скромныхъ рассказовъ въ его прелестномъ замкѣ въ Алулкѣ, рассказовъ, въ которыхъ онъ скрывалъ свои собственныя заслуги,—война вновь представилась ему въ своихъ потрясающихъ результатахъ и послѣдствіяхъ. Это было пробужденіе его молодости, осенняя пѣснь его жизни солдата.

Всѣмъ намъ сообщилось возбужденіе главнокомандующаго; онъ осыпалъ лестнымъ вниманіемъ и офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и я ему представилъ наиболѣе отличившихся; для каждаго изъ нихъ у него нашлось и доброе слово и похвала.

Эссенъ, котораго я представилъ въ числѣ отличившихся, замѣтилъ мнѣ позднѣе: „спасибо, Ваше Сіятельство, за новаго кунака, онъ мнѣ пригодится“.

Несмотря на дождь и туманъ, люди весело затанули: „Мы дѣти Сѣвера великаго, мы дѣти бѣлаго Царя“.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

